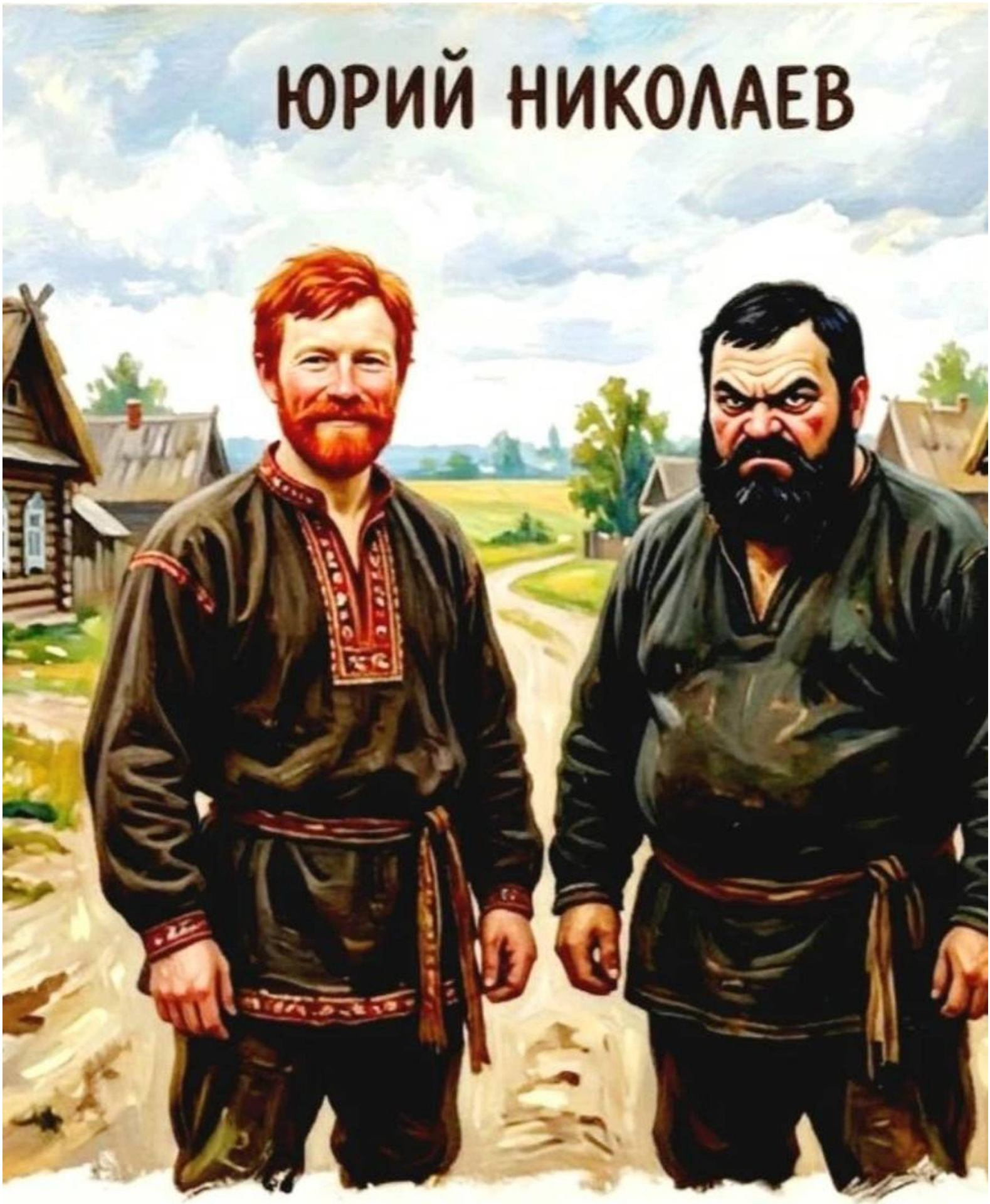
ЮРИЙ НИКОЛАЕВ

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Юрий Николаев

Жили-Были...

«Автор»
2026

Николаев Ю.

Жили-Были... / Ю. Николаев — «Автор», 2026

"Ссылка" подростков родителями в глухую деревню к деду превращается в интересную и познавательную эпопею про двух весёлых друзей из 19-го века.

© Николаев Ю., 2026
© Автор, 2026

Юрий Николаев
Жили-Были...

Юрий Николаев

ЖИЛИ-БЫЛИ…

Вместо предисловия.

Начало этой истории теряется где-то далеко, в глубине моего сознания. Так бывает, когда все последующие события напрочь затмевают все предыдущие.

Да, наверное, это и не так важно – с чего всё началось, важным стало то, что мы, наконец, «спалились». Мы – это я и моя сестра-двойняшка. Нам по пятнадцать: возраст, когда хочется попробовать на зуб целый мир, но зубы ещё молочные.

Меня зовут Дэн, попросту Денис, сестру – Вика. Наша мама – спец индустрии красоты, она не вылезает из салонов по одной простой причине – она ими владеет. Отец – тоже чем-то владеет, но об этом он мало рассказывает. Я думаю, что он щемится говорить о своём бизнесе, потому что этот бизнес либо не совсем законный, либо не совсем этичный.

Как бы то ни было, мы с сестрой не бедствуем, учимся в престижной школе, ходим в приличных шмотках и в свободное время залипаем в «Варике».

Походу родаков вполне устраивала наше вялотекущее взросление, пока мы с сестрой не стали заходить слишком далеко. Я не буду распространяться, о чём речь, к чему мне делать лишнюю рекламу этим клубам и всему, что с этим связано. Но однажды родители, сами вернувшись с аморальной вечеринки, застали нас в состоянии далеко неадекватном. Соусом к этому стало наличие в наших комнатах контрацептивов и энергетиков, а жирной вишенкой на торте – присутствие ещё пятерых друзей неидентифицируемого пола, разбросанных как носки по территории квартиры.

Утро выдалось мрачным. Во всех смыслах.

На душе было неуютно. Но мы с сестрой переглянулись и мысленно сошлись на том, что до убийства дело не дойдёт, а всё остальное для нас было индифферентно.

«Совет в Филях» проходил без нашего присутствия. Озвучка же приговора помпезно прошла в официальных тонах, с претензией на безаппеляционность.

- С началом лета вы оба едете в деревню! – сказал нам папан. Это звучало как приговор о ссылке в Сибирь.

- К вашему деду, - добавила маман.

Этим же днём были куплены билеты и демонстративно подложены нам на компьютерные столы.

Так, собственно, и началась эта долгая эпопея под кодовым названием «На деревню к дедушке!»

Деда мы видели всего пару раз, когда мы были в том лучезарном возрасте, в котором самым вкусным на свете считается манная каша. Потом дед, по причине возраста перестал к нам приезжать, а родаки навещали его без нас.

Самым страшным оказалось не то, что дед жил в деревне, в глуши и даже дальше, чем Сибирь, а то, что дата в обратных билетах приходилась на август.

Мы попали по-полной.

Деревня носила красивое русское название Боголюбово. Да и дед оказался ещё вполне ничего себе, мы сразу его вспомнили и поскольку у нас он, кроме щенячей радости, никаких ассоциаций не вызывал, полюбили его безусловно и навсегда.

Когда наши вещи в придачу с нами благополучно перекочевали в дом деда, и мы позволили себе немного расслабиться и осмотреться, нас ждал первый удар: в деревне не было интернета. От слова совсем.

Наши гаджеты лежали в сумке мёртвым бесполезным балластом и годились лишь на слабые ностальгические воспоминания в виде уже опостылевших закачанных игр.

ТВ, естественно, тоже было примитивно минимальным, и здесь мы с sister окончательно осознали, что погорячились насчёт мыслей об отсутствии высшей меры. Мера была – куда уж выше…

Нетерпеливо забегая вперёд, сразу скажу: мы выжили. Мы с сестрой дожили до прекрасной даты, обозначенной на обратном билете.

Но наша жизнь после этой даты уже никогда не станет прежней…

Вечер второй.

Почему сразу второй? Потому что первый день ушёл на банальную физиологическую и психологическую адаптацию, и не думаю, что его можно брать в расчёт.

Вечером второго дня, дед, от души напичкав нас деревенской едой, сел в глубокое кресло, важно выдержал мхатовскую паузу и сказал:

- Ну, что орёлики, поскольку книжки вы читать, я так понимаю, не любите, тырнета у меня, извиняйте, нету, а развлекаться вам чем-то надо – значится, буду я вам на ночь сказки рассказывать.

- Дееед, - закатила глаза Вика, - нам по пятнадцать лет! Какие сказки ваще?!

Я же мужественно прикрыл веки и только тяжело вздохнул.

- Да не пужайтеся вы так, - захихикал дед, - про Колобка и Репку я не буду рассказывать.

- И на том спасибо! – язвительно сказала Вика.

- Я, робятки, знаю много сказок поинтереснее, во как! Со смыслом, с толком, с намёком.

- Да всё равно, сказка – она и есть сказка, - заныла сестра.

Дед прищурился и сказал:

- А давайте на спор: если через месяц вы меня сами начнете просить, чтоб я вам рассказал новую сказку – то вы поможете мне в огороде.

- Мы тебе и без этого поможем, - проворчал я.

- Хорошо! – обрадовался дед, - одевай керзачи и пойдём картоху окучивать!

- Ладно, давай свои сказки, - покосившись на моё лицо, ответила Вика.

- Акеюшки! – неожиданно ответил дед.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-дурак. Жил не тужил, сам жизни радовался, да других радовал. Вставал на заре, свистел на горе и шёл в поле пашню пахать.

А по соседству с Иваном-дураком жил Федот. Суръёзный, важный, лишнего слова не скажет, вечно у себя на уме. Подозрительный, недоверчивый и умныыый, как паровоз.

– Здарова, Ивашка, драная рубашка!

– Здарова, Федотка, лужёная глотка!

– А куда ты идёшь-то, неужели пахать?!

– Иду с землицей пообщаться, Федотка, урожая у неё попросить хочу!

– У кого?! У землицы?! Ну, ты точно дурень!..

У Федота тоже пашня была, хорошая, большая. Но сам он её не пахал. Он что, дурак что ли? Федот заморских батраков нанял: за три пятака. Батраки пахали, а Федот прибыль подсчитывал:

– Вот я сегодня весь день на лавке провалялся за три пятака. За месяц – тридцать три пятака заработаю! Умныыыый, аж череп от мозгов по швам трещит!..

Сказка первая

О пороках

Солнце в зените стоит, жарко. Иван поработал и в тенёчек прилёг, квас попивает, да бублик жуёт. Работа никуда не денется, вот она – рядом дожидается.

Идёт мимо Лень-матушка.

– Здравствуй, Иванушка, рада-радёхонька тебя видеть! Хорошо, что лежишь, под лежачий камень вода не течёт – стало быть, сухим останешься!

– И тебе не хворать, Матушка! Иди своей дорогой, тебе меня всё равно не соблазнить!

– Что, прямо-таки ни капельки не хочется полениться? – не унимается Лень-матушка.

– Да лень мне лениться! – улыбается Иван, – Кто ленив сохой, тому весь год плохой.

– Вот, дурень! – ворчит Матушка-Лень, позевала и пошла к Федоту.

А у нашего Федота – нараспашку ворота, он таким гостям завсегда рад. Он же не дурак…

Иван на пашне квасок попивает, да жару пережидает.

Шествует мимо Утроба-ненасытная. Идёт, пыхтит, жир аж на солнце шкварками шкварчит.

– Здравствуй, сиротинушко ты моё голодное, – запричитала Утроба ненасытная, – ой, за версту чую – как у тебя с голодухи-то в животе урчит! Расстилай скатёрку – сейчас я тебя кормить буду!

И ну метать из баула своего окорока копчёные, да тушки запечёные, стерлядку в тесте, да чарку грамм на двести.

– Кушай, Ванечка, сила – она ж в еде, долго ли протянешь на хлебе и воде!

– Живот не мешок: про запас не поешь! – ухмыляется Иван. Дурак – что с него взять…

И пошла Утроба-ненасытная к Федоту. У Федота – пожрать всегда охота!

Вот отдохнул Иван и снова в пашню. Круг за кругом нарезает, землица из-под сохи как масло ползёт, уже и конь устал плуг тащить, а Иван разошёлся – не унять.

Тут как тут Жадина-говядина. По сторонам озирается, глазками стреляет. Ивана увидала и давай на ушко нашёптывать:

– Давай, Ванечка, давай миленький, ещё десять десятин и три десятины сверху, давай, пока силушка есть! Вон земли-то сколько, бери больше!

– Отвянь, жлобина, мне лишнее ни к чему, мне бы семью прокормить, да коня своего, и большего не надо! Жадность — всякому горю начало.

– Вот дурааак! – говорит Жадина-говядина, – не понимаешь ты счастья своего.

И пошла она к Федоту. Федот – тот любитель экономить на батраках, да не быть в дураках. Он как раз надумал батракам через раз платить.

Долго ли коротко ли, пашет Иван, а тут некстати мимо идёт Зависть Завидущая.

– Ох, какой красавчик! Ах, какие кулачищи! Ух, какой конь, мне бы такого… Привет, Ванька, всё пашешь? А Федот-то наш на лавке лежит, пузо на солнце греет, забот не знает… А ты пашешь как дурак!.. Не завидно?

– Иди отсель, – улыбается Иван, – злой плачет от зависти, а добрый от радости!

Аж почернела от злости Зависть Завидущая и пошла к Федоту. У Федота на чужое добро глаза разгораются. Его хлебом не корми – дай чужие барыши посчитать…

А Иван работает себе, да и работает.

Идет по дороге Гнев Яростный, идет так, что пыль столбом летит, деревья трещат, птицы в стороны разлетаются. Такому – лучше на пути не попадаться.

– Эй ты, холоп, дубина неотёсанная, почему не приветствуешь меня?! Не уважаешь?

– Бог с тобой, Гневище, не будь злыднем, гневом и соломки не переломишь!

– Да я тебе сейчас хребет переломаю! – рычит Гнев Яростный, - выходи на дорогу, давай драться!

А Иван только улыбается в ответ. Стал раздуваться Гнев от злости, раздувался, раздувался и лопнул. Только клочья на деревьях повисли.

Покачал головой Иван и снова в пашню. А солнце уже к закату идёт, дело к вечеру.

Бредёт по дороге Похоть Распутная. В наряды развратные приодета, напомажена да накрашена, будто прынцесса заморская. Добра молодца увидала и давай глазки строить:

– Здравствуй соколик, здравствуй мой сладкий! Полно тебе спину надрывать, время и отдохнуть-расслабиться, любви страстной предаться!..

Иван пот вытер со лба, оглядел девицу и говорит:

– Хороша девка, да не люба ты мне, есть у меня друг сердечный – жёнушка родная – её люблю. Тот себя губит, кто чужую любит.

Скривилась-скукожилась Похоть, отвернулась презрительно и к Федотке пошла. Федот до чужих девок охоч, когда совсем невмочь.

Солнце за гору ушло, а Иван работу закончил. Стоит, пашню оглядывает, радуется – вон сколько наворотил!

Тут как тут из-за кустов Гордыня Спесивая, высокомерно на Ивана смотрит и снисходительно слово молвит:

– Молодец, Иван, герой! Выстоял, выдюжил, все испытания прошёл! Ты лучше всех! Ты и самый сильный, и самый красивый, и самый верный нет тебе равных! Никакие Федотки – не годятся в подмётки! Достоин ты большего в жизни!

Только рассмеялся Иван в ответ:

– Не подымай носу: спотыкнешься! Не моё это – чваниться. Гордым быть – глупым слыть!

Что с него взять – дурень же!

Пошла Гордыня Спесивая к Федоту. Говорят же про Федота, что он птица высокого полёта.

А Иван домой пошёл, радостный и счастливый. Много ли дураку надо.

Вечер третий.

- Прикольные у тебя сказки, - сказал я деду, - вроде всё как в сказках, но как-то правдоподобно.

Вика гордо молчала.

- Тогда я дальше рассказываю, - ответил дед, - послушать послушайте, но выводы не спешите делать, покумекайте там себе в голове маненько.

Сказка вторая.

Урожай

Год урожайным выдался. Всего уродилось в достатке, и вершков, и корешков. Радуется Федот, радуется Иван. А радуются-то по-разному: Федот прибыли рад, а Иван – урожаю! Вот оно как!

Ну да ладно. Поехали Федот да Иван на базар, излишки продать, иначе в амбары и погреба не войдёт всё – сгниёт.

Едут. Федот уже прибыль подсчитывает, он же не дурак, надо ж всё рассчитать – что в опт, что в розницу. А Ивану – что в лоб, что по лбу, он не про деньги думает, он думает, что в другой деревне неурожай был, градом всё побило, и что он помочь может… Не о себе думает, дурень, что с него взять.

Да и правда, из соседних деревень на базар покупатели понаехали: вершки да корешки скупать, у них же неурожай. Федот сразу скумекал, что товар-то по любой цене уйдёт, и давай цену накручивать. Так накрутил – считать не успевает, только знай гребёт денежку в мошну, везуха!

А Иван не охоч на чужом горе-несчастье в рай въезжать, он цену скинул до божеской. «Вот дурак!» – усмехается Федот.

Долго ли коротко ли, распродали товар и домой.

Вот едут, довольныеееее.

«Надо ещё три сундука сколотить и семь шкатулок, – ворочает мозгами Федот, – а то деньги девать некуда, сундуки в огороде закопаю, а шкатулки в горнице поставлю, да любоваться буду».

А Иван-дурак ничего не думает, лежит себе на телеге, руки за голову и соломинку жуёт. Он родным гостинцев накупил – жёнушке платок цветастый да бусы янтарные, деткам – петушки на палочке и книжки с картинками. Вот дуралей.

Как приехали в деревню – Федот сразу батраков позвал, дал команду сундуки сколотить и шкатулки изразцовые вырезать из красного дерева. Знамо дело – деньги они красоту любят.

А Иван опять чудить надумал: коня распряг, подарки раздал и пошёл по деревне.

Идет-бредёт, дошёл до кузни.

А там жар пылает, звон раздаётся – кузнец работает, кувалдой по наковальне тук да тук, бряк да бряк.

– Здорово, кузнец, – кричит Иван, – что куёшь?

– Здорово, Ванька, вот подковы кую, лошадей ковать скоро.

– Вижу я, кузнец, что крыша в кузне совсем прохудилась.

– Есть такое, дырявая крыша маненько, но ничего, пока дождя нет – терпимо.

– Вот тебе, кузнец, сто целковых – найми работный люд, перекрой крышу, с крышой-то оно половчее работать будет!

– Вот спасибо, Иван, уважил!..

– Бывай здоров, кузнец!

И пошёл Иван дальше.

А тут изба Евдокии-солдатки. Да не изба даже, а так – хатка. У Евдокии муж недавно на войне буйну голову сложил, и остались у вдовы семеро по лавкам, мал-мала-меньше.

Постучал Иван в покосившиеся двери, кричит:

– А дома ли кто?!

Детвора Ивана облепила, а Евдокия спрашивает:

– Зачем пожаловал, добрый молодец?

– Не посчитай за дерзость, прими вот подарочек от меня, за просто так, от души, - и протягивает Евдокии мешочек с монетами, - накорми деток досыта, да обувку им справь годную.

– Ой, да храни тебя Господь, Ванечка! – прослезилась Евдокия.

А Иван крякнул, макушку взъерошил и дальше пошёл.

А на горе – мельница стоит, Иван и туда заглянуть решил.

Постучался к мельнику в ворота. Мельник – мужик обстоятельный, не бедствует, да вот беда – третьего дня шальным вихрем ветрило поломало, видно стара мельница стала. Мельник сидит на завалинке, репу чешет, размышляет как бы мельницу починить.

– Здорово, Мельник! – кричит Иван.

– Здорово, коль не шутишь, – отвечает мельник, – зачем пожаловал?

– Хоть шуткой, хоть смехом, было бы дело с успехом! – говорит Иван, – слыхал я, мельница у тебя повредилась.

– Есть такое дело, – вздыхает мельник, – и, ох как не вовремя, щас мужики зерно потащат молоть-перемалывать, а молоть-то и нечем, беда.

– Не горюй, мельник, – улыбается Иван, – вот тебе сто целковых, ремонтируй свою мельницу…

Долго ли, коротко ли, а тут и осенние холода подошли. Народ стал о заморозках думать, лютая пора грядёт. Ох, придёт зима, не спросит никого – всё проверит, всё посмотрит.

Федот Зерно по мешкам понасыпал и на мельницу засобирался. Да вот беда – конь скользит, спотыкается, подковы поизносились. Пошёл Федот к кузнецу. Глядь – а там Иван у ворот, коня за поводья держит. Тоже видать подковать решил.

– Иди, – говорит Федот, – постой в сторонке, подожди, пока моего коня подкуют. У меня зерна много, мне нужней, да я и заплачу кузнецу больше.

А тут кузнец вышел, взял у Ивана коня повёл в кузню и говорит:

– Я тебе Иван до конца жизни подковки на коня ставить буду, без очереди и бесплатно.

Федот рот раскрыл – чуть муха не залетела.

Суд да дело, до вечера и до мельницы добрались. Федот мешки к мельнице выгружает, глядь – а там Иван стоит.

– Отойди в сторонку, дуралей, не видишь – у меня зерна-то поболе!

А тут мельник вышел. Взял у Ивана зерно, а Федоту велел через недельку приезжать.

Федот рот раскрыл – чуть воробей не залетел.

– Везёт же дуракам!

Поехал Федот домой не солоно хлебавши.

Мимо Ивановой избы проезжает – а там чудо-чудное, диво-дивное – какая-то ребятня у Ивана во дворе: поленницу складывают, изгородь правят, двор метут, да весело так, с азартом.

– Вы чьих будете, ребятки? – спрашивает их Федот.

– Мы Евдокии-солдатки дети, – отвечают мальцы.

– А почто это вы Ивану помогать решили?

– А за просто так, от души! – смеются детки.

Федот рот раскрыл – чуть ворона не залетела.

Вот такие дела.

Вечер четвертый.

- Как отдыхается? – спрашивает нас дед.

- Купались и загорали, речка – класс! – ответили мы почти хором.

- Пошли бы по окрестностям, что всё речка да речка… У нас такие места! В лесу скоро земляника пойдёт, вы ж настоящую лесную землянику и близко не видели!

- Не, в лесу страшно, - помотала головой Вика, - медведи всякие и ваще…

- Страшно? – захихикал дед, - вот где у нас страх, - и он постучал скрюченным пальцем по своему лбу, - вот, слушайте, что я вам расскажу…

Сказка третья

Страх

Лето красное. Честной народ по грибы, по ягоды ходит. Пошли и Федот с Иваном. Летом – день год кормит.

Идут-бредут дорогой просёлочной, полем ромашковым, до леса дошли. Лес тёмный, мрачный, а Федот с Иваном не боятся ничего, они ж мужики! Чего им пугаться, вон они какие здоровые – косая сажень в плечах, волков бояться – в лес не ходить.

Волки не волки, а зверьё в тех местах водилось всякое. Рассказывали, что давным-давно даже медведь одного мужика заломал, ну и, наверное, съел. Медведь, как известно, господин всеядный, ему и мужичок – как балычок.

Собирают, значит, Федот с Иваном грибы-ягоды, чу – шорох какой-то в кустах! Федот остановился, напрягся, уже и бежать готов, и на дерево влезть. А Иван – даже глазом не повёл.

Стыдно стало Федоту, дальше по траве рыщет в поисках даров леса. «Показалось!» - успокаивает он себя.

А тут – раз, снова зашелестело, закачались кусты.

- Иван, слышишь?! А ну как медведь в кустах! – шепчет Федот.

- А если не медведь? – улыбается Иван. Беззаботный, дурак ведь, что с него взять.

- А если медведь?!

А из-за кустов вдруг выходит чудище неприятное, собою непонятное, само с вершок, голова с горшок.

Федот аж подпрыгнул. А Иван спрашивает:

- Ты кто, смехота?

- Я чудище лесное, а зовут меня Опаска, р-р-р-р!

- Не, не опасная ты! – улыбается Иван.

- Да, - кивает Федот, вытирая пот. И дальше пошли.

Только поляну пересекли – снова за кустами что-то странное, ветки качаются, потрескивают.

- Ну, точно медведь! – сипит Федот.

А из-за кустов вдруг выходит другое чудище, само с кошку, голова с плошку.

Федот, уже и корзину бросил – бежать приготовился. А Иван спрашивает:

- Ты кто, потеха?

А чудище отвечает:

- Я пугало лесное, а зовут меня Тревога, у-у-у-у!

- А мы тебя не боимся! – хихикает Иван. Дурак, что с него взять.

А Федот руками колени держит – дрожат они у него почему-то.

И пошли они дальше. Идут-бредут, уже и малины набрали по туеску. Глядь – опять за кустами хруст да шорох, будто прячется кто. Федот корзину на голову натянул и за Ивана спрятался. И тут как выскочит из-за куста нечто, само с быка, голова индюка.

Иван хмыкнул, макушку почесал и спрашивает:

- А ты кто будешь, уродинка?

А чудище отвечает:

- Я Страх лесной, уаааааууууууу, пых-пых!

У Федота зуб на зуб не попадает, а Иван даже бровью не повёл.

- Иди, - говорит, - откуда пришёл, нечего тому страшиться, кто ничего не боится!

И дальше по кустам ломится, Федот за ним вприпрыжку – еле успевает. Одному не страшно, а двум веселей. А Страх лесной исчез куда-то, будто и не бывало.

Солнце к верхушкам деревьев клонится, лес всё темнее и темнее. Федот больше по сторонам озирается, чем грибы-ягоды ищет.

Вдруг – треск по кустам, да такой, что деревья закачались, земля ходуном заходила, да совы заухали.

Остановился Иван, прислушался, присмотрелся. Федот тоже как вкопанный встал, глаза вытаращил, трясётся весь, аж на слезу прошибает.

За кустами рык утробный, да вой загробный. И возня в куще такая, будто сам Змей-Горыныч там прячется. Или вся нечистая сила на шабаш собралась. Ну, тут уж Федот не выдержал, подхватил подол в охапку и – дёру из леса. Сапоги по дороге теряет, кафтан клочьями на ветвях оставляет, несётся, ног не чуя, себя не помня. Там, где бежал, аж просека появилась. Во как.

А Иван смотрит – из-за кустов выходит Мурашка, без лаптей и порток, а сам с ноготок. Махонький, безобидный, но важный.

- Я Ужас ужасный, злой да опасный, бу!

Иван только рассмеялся в ответ, Мурашку с пути веточкой смахнул и дальше пошёл.

А Федота потом трое суток по окрестностям искали, да неделю молоком отпаивали. Знамо дело – человек не боится, человек опасается. А так-то он смелый, даааа. В другой раз в лес – только с ружом! Или совсем не ходить, да ну его, этот лес.

Вечер пятый

- Дед, Дениска незрелую клубнику в огороде подъедает, - ябедничает Вика.

Дед укоризненно качает головой, но я-то знаю, что вика не о моём желудке беспокоится, а о своём: съеденная клубника уже никогда не станет красной и не достанется ей. Я мысленно показываю ей неприличный жест одним из пальцев.

- Хорошая клубника будет, - задумчиво говорит дед, - ещё бы только дождя немного… А хотите сказку про дождь?!

Слушайте!

Сказка четвертая

Дождь

Ох, плохо без дождя в деревне. Сохнет всё. Такая жара стоит, что даже мухи летают, высунув языки. Вянут вершки, сохнут корешки, лопухи и те скукожились.

Стоит Иван посреди поля, на пшеницу смотрит. А пшеница – на Ивана: «водыыыы!»

Да где ж её взять, воду-то, дождя ужо месяц нет. Так, глядишь, и умрёт урожай.

Пошёл Иван по деревне в тоске-печали, переживает. Глядь – на завалинке дед Кузьма сидит, в кои-то веки вышел на солнышке погреться. Правда, валенки всё равно на всякий случай не снял. Деду Кузьме сто лет в обед. Он уже глуховат, слеповат, но мудр. Иногда к нему народ за советом идёт.

- Здоров, дядь Кузьма! – поклонился Иван.

- Здоров, Ванятка!

Дед Кузьма всех по имени помнит, с памятью хорошо у него. Только вот валенки забыл снять.

- Когда будет дождь, дядь Кузьма? – спрашивает Иван.

- Да бог его знает, - отвечает дед.

- Урожай погибает, - вздыхает Иван и присаживается рядом.

- Это плохо.

- Да.

- Так говоришь – урожай погибает?

- Ну.

- Ааа. Понятно. А чивой-та он погибает?

- Дождя нету.

- Ааа. Понятно.

Вот и поговорили.

- Эхе-хе, - вздыхает Иван, встаёт и идёт дальше.

А дед Кузьма, вслед посмотрел и кричит ему:

- Так, стало быть, дождя нет?!

- Ну, - оборачивается Иван.

- Так ты на Кудыкину гору сходи.

- Зачем?

- Дождя у неба попросить.

- А что, и то правда. А пойду и попрошу. Давно пора. И как я не догадался. Думал, что оно вот как-то само… А оно вона чё…

И пошёл Иван довольный.

А тут навстречу Федот.

- Здоров, Ивашка!

- Здоров, Федотка!

- Куда идёшь, Ивашка?

- На Кудыкину гору, Федот!

- А чё сразу дразнишься? Я ж сурьёзно спрашиваю.

- А я вот сурьёзно и говорю! Дед Кузьма посоветовал дождя у неба попросить. У тебя ж огород пересох?

- Ну?

- Стало быть дождь нужен?

- Вот ты дурень! Дед Кузьма давно уж из ума выжил, нашёл, кого слушать.

- Не, я верю, Федот, без веры никак.

- Ну, иди-иди, - ворчит Федот, а сам думает: «а чем чёрт не шутит, вдруг сработает!»

- Ивашка, а я, наверное, с тобой пойду!

- Ну, ладно, пошли.

- Только где ж она эта Кудыкина гора-то, не знаешь?

- Я разумею, Федот, что любая гора подойдёт, лишь бы до неба дошло.

- Тогда поболе гору выберем! Шоб сразу дошло.

И пошли Иван да Федот на самую высокую гору. Долго взбирались, до самого вечера. Взошли высоко на макушку, туда, где ветер свищет, подняли глаза к небу и начали дождя просить.

- Создатель, смилуйся над нами грешными, не дай умереть нам голодной смертью, просим - дай дождя на урожай!.. – шепчет Иван, глядя в небо.

- Совсем у меня огород пересох, капуста как луковица, репа как горох… - бубнит Федот.

- Просим всем селом, пошли нам тучку добрую, да с водицей благодатною!.. – умоляет Иван.

- Полей огород мой, прошу-умоляю, пшеницу мою ороси покруче, а я уж молиться тебе стану, свечку поставлю… - канючит Федот.

- Аминь!

- Аминь!

Только проговорили, ветер ещё сильнее засвистел, завихрился, в небо взвился. Глядь – откуда ни возьмись – тучка! Сначала махонькая, с избу, потом уже с церквушку, а потом и совсем огроменная, больше, чем рыба-кит. Плывёт туча прямёхонько на село, громом гремит, молниями посверкивает.

Запрыгали-заплясали от радости Иван да Федот. Сработала молитва-то! Ай спасибо небу, низкий поклон деду Кузьме за совет мудрый!

А вот и ливень ливанул. Иван с Федотом бегут с горы мокрые, счастливые и не переживают, что вымокли до нитки. Главное - урожай спасён!

В селе уж и народ на улицу тоже высыпал: радуются дождю.

Эх, только вот незадача-загвоздочка одна вышла: тучка-то с дождём по-над селом знатно прошла, но как-то так получилось, что огород Федота стороной обошла.

Вот ведь как бывает. А почему – да кто его знает? Тут даже дед Кузьма не объяснит.

Вечер шестой

- Дед, а ты в принципе крутой чувак! – не выдержал я в этот вечер, - я, если честно думал, что эээ… возраст, деревня… как-то это всё примитивно, неинтересно, а у тебя по ходу ай-кью зашкаливает!

- Точно, - согласилась Вика.

Дед хихикает.

- Чего по виду судить. У кажного человека сущность есть настояшшая, робятки, человек – продукт с виду сложный, но ежели разобраться, то можно любого по полочкам разложить. Вот, к примеру, слушайте…

Сказка пятая

Сущность

Страшные дела творятся в деревне. Рассказывают, что в медовый Спас лунное затмение будет. Такое бывает только раз в тысячу лет – когда затмение с Медовым спасом совпадает. И славится это затмение тем, что человек из себя выходит. Как будто ты – это не ты. И вроде идёт Иван по деревне, а это и не Иван вовсе. Или Федот: вроде и Федот – да не тот.

Об этом всем рассказывал местный батюшка, который много чего интересного знал. Не все, правда, верили. Больше всего Федот не верил, он вообще мало кому верил, но тут совсем разъерепенился: «брехня! - говорит, - так не бывает!»

«А ты пойди, проверь!» - осерчал батюшка.

«А что, вот пойду и проверю!» - хорохорится Федот.

Но ближе к вечеру, когда все от страха стали ставенки закрывать, Федоту жутко стало. «Сгину, не ровен час! - запаниковал он, - а не пойти – что обо мне люди подумают?! Скажут – струсил наш Федотка, вот позор-то!»

А тут Иван по деревне с сенокоса идет. Веселый, довольный, песенку насвистывает. Ну, дурак – что тут попишешь. У людей – вон какая форс-мажорина, а ему хоть бы хны.

И тут Федоту мысль в голову пришла, хорошая мысль, умная. У Федота других и не бывает.

- Здарова, Ивашка-рваная рубашка!

- Здарова, Федотка-куцая бородка! – отвечает Иван.

- Слушай, Ивашка, а пойдём сегодня по деревне погуляем! Смотри, какие погоды нынче стоят!

- А пойдём, Федотка! И то правда. Щас только баньку истоплю…

И, как стемнело, пошли Иван да Федот по деревне гулять. Гуляют четверть часа – не страшно, гуляют половину часа – не боязно, гуляют час – совсем осмелел Федот, идет руками

машет, Ивану хвастается – какой он по жизни храбрец, да удалец, ничего не боится. Даже лунного затмения в Медовый спас.

А тут раз, и вот оно – затмение. Собаки во дворах завыли, коровы замычали, дрожь по земле пошла…

И вдруг видят Иван да Федот – навстречу им идут другие Иван да Федот! Во как!

Федота, знамо дело, чуть кондрашка не хватила, упал в кусты и лежит – дышит через раз. А Иван остановился, макушку почесал и стал рассматривать самого себя, ну и Федота заодно – тех, которые как бы ненастоящие.

Люди как люди, только прозрачные какие-то. А внутри – чего только нет. И никакой печёнки-селезёнки или ещё каких органов, а не понять что.

Осмелел немного Иван и спрашивает того Ивана, который светится.

- А, ты кто, друг ситный? Не брат ли мне единоутробный?

Отвечает ему другой Иван:

- Нет, не брат, я – сущность твоя настоящая, вот – погулять вышел.

- А это, стало быть, Федота сущность?

- Точно, так и есть.

- А что это у тебя, дорогая сущность, внутри – такое большое светящееся?

- Это душа твоя, Ваня, она главная, она – это и есть человек.

- Вона чё. А чего ж у Федота она такая маленькая и тусклая?

- Незрелая она. Душа-то, Ванечка, много жизней проживает, веками мудрости набирается, и чем больше живёт, тем светлее и больше становится. А Душа Федота, молодая еще, квёлая, ей еще расти и расти, дозревать не один век.

- Понятно. А вон-то – в головах, чего это такое – тоже шибко разное у нас.

- А это Ум да Разум. У Федота Ум большоооой, а Разум – с гулькин нос. А у тебя ума-то поменьше будет, да разумом Бог не обидел. Вот ведь как.

- Интерееесно, - удивляется Иван. А кто ж нами правит: Ум али Разум?

- А чего больше – то и верховодит.

- Ага. А вот это, что вокруг Души, как сияние какое, это что?

- Это Сознание ваше, Ваня. Оно размером-то одинаковое у вас, только у Федота оно сейчас выключилось маненько, со страху-то. Сознание – это такой двор с пятью воротами, Ваня, туда все заезжают и товар свой выгружают. А Душа уже и решает – что с этим добром делать.

- Забавно ведаешь! А что ж это за ворота такие?

- А это органы чувств наши: Зрение, Слух, Вкус, Обоняние да Осязание.

- Так всё просто, оказывается!

- Проще некуда, Иванушка. Всё на свете гораздо проще, если разобраться, всё последовательно да правильно выстроено, Вселенная, она ж совершенная. А если что не нравится – так надо в себя заглянуть, порядок в душе навести: подмести да протереть, чтоб светилась Душа, не тускнела. Ой, смотрю и Федоткино сознание зашевелилось, очухался, наверное, наш Федот.

Сказала так Сущность Иванова да исчезла-растворилась вместе с Сущностью Федоткиной.

А сам Федот – настоящий – из кустов вылезает:

- Туточки я! Я там в кустах белые грибы увидал, вот и отлучился… Думаешь я испугался чего?! Неееe.

- Знамо дело, я так и подумал, - улыбается Иван, - по ночам грибы далеко видать, они ж светятся.

Как души наши светлые.

Вечер седьмой

- Как знал, что незрелая клубника мне не пойдёт на пользу, - честно признаюсь я деду шёпотом, держась за живот.

Вика издали злорадно усмехается.

- Как это – как знал? – усмехается дед, - не мог ты этого знать, напридумывал ты себе всё!

- Болит же! – злюсь я.

- Вот ежели бы ты не думал, что можешь заболеть – не заболел бы, хоть совсем зелёную бы съел! Это, внучок, самовнушение, поскольку ты сам себе команду даёшь мыслями своими, как скажешь, так и будет, организм он, робяты, послушный…

Вот как раз и историю вспомнил…

Сказка шестая

Экстрасенсы

- Не ходи мимо избы бабы Фроси, там у нее кобель больно свиреп – покусает, - говорит Федот Ивану, - вишь, как ногу мне похомячил! Вот как чувствовал…

Федот – он добрый-то на самом деле, и об опасности предупредить завсегда может. Даже Ивашку. Пусть и зол на него. Но на кобеля бабы Фроси Федот ещё злее.

- Спасибо, что предупредил! - улыбается Иван.

Федот довольный, хоть и больно ему.

- Я, - говорит, - опасность за версту чую, Ивашка! Вот иду иногда по дороге, вижу каменюка лежит, ну, думаю, щас споткнусь об его. И точно, обязательно споткнусь! Или, скажем, зимой сосулька какая висит, висит себе и висит, а как я прохожу – так обязательно на меня соскочит. Я же вот иду и думаю: сколько ей висеть-то, щас я пройду – на меня и грохнется. И точно.

Федот важно поглядывает на Ивана. Тот только улыбается и головой покачивает.

- Это что, - разошёлся Федот, - я иногда и урожай предсказать могу. Вот сажаю капусту и думаю: эх, а почто как сгниёт капуста, или червяк сожрет. И что ты думаешь – гниёт! А что не успело сгнить – червяк догрызает. Я, вот, Иван, иногда без шапки во двор выскочу, ну, думаю, ветрище-то какой, продует же, заболею. И что ты думаешь?! Через день сопли на кулак наматываю. Во как. И я тебе по секрету скажу, Иван, я так думаю, что я этот… как его… экстрасенс, во!

- А это кто ж такой? Слово какое мудрёное, - спрашивает Иван.

- Эх, деревня, - усмехается Федот, - тёмный ты, в науках ни бельмеса не разбираешься. Ну, да ладно, я тебе расскажу. Экстрасенс, Ивашка, это такой человек, который всё наперёд знает. Как бы предвидит. Понял? Бывают такие люди. Вот, и я, стало быть, тож из таких. Не знаю, Иван, радоваться этому, али огорчаться.

А Иван-дурак на Федота долго пристально смотрит и снова репу чешет. Видимо никак в толк взять не может. А потом носом пошмыгал и говорит:

- Сдаётся мне, Федот, что и я, наверное, этот самый… ну, про которого ты ведаешь. Который всё наперёд знает.

Федот недоверчиво хмыкает.

- Куда тебе, дурень! Такие люди один на сто мульонов рождаются. Нас на земле по пальцам пересчитать можно!

- А вот ежели я по дороге иду, и каменюка лежит…

- Ну?..

- А я думаю: ну и пущай себе лежит, а я дальше пойду.

- И что?

- И ничего! Не спотыкаюсь об его. Иду себе и иду.

- Случайность, я ж тоже не всегда спотыкаюсь. А вот как подумаю – так обязательно навернусь.

- Хм!

- Вот тебе и хм!

- А я вот, Федот, думаю, что буду здоров и бываю здоров; подумаю, что сосулина мимо пролетит и она за моей спиной в аккурат падает, не поверишь! Капусту высаживаю и ужо представляю – какая она будет целёхонькая да толстопузенькая! И точно, все червяки к тебе в огород ползут.

- Ты, наверное, порчу на мой огород наводишь, дурачина? Почему червяки ко мне ползут?! А?

- А кто его знает, Федот. Ты ж этот… екстрасенс… сам должон знать.

- Тьфу ты…

Федот хмурит брови по самые щёки и скрипит мозгом – размышляет.

- На той неделе на свадьбу пригласили: думаю, дело хорошее, подарок на рупь – наемся на пять! Только, думаю, как бы морду по пьяни не набили. И что ты думаешь?..

- Давай угадаю: набили! Прямёхонько в левый глаз прилетело… А ишшо в ухо!

- Откуда знаешь? Растрепал кто?

- Не, я, Федотка, наверное, тоже екстрасенс! – смеётся Иван.

Федот подавлено отворачивается и молча уходит.

А Иван – соломинку в зубы, картуз на глаза и – в поле.

Не успел и версты пройти – Федот вдогонку бежит. Радостный, орёт чего-то.

- Иваааашкаааа, дурееееень, я понял! У меня ж ишшо фингал не рассосался, и ухо не зажило, ты ж энто увидал, босяк! Не экстрасенс ты, не экстрасенс! А я экстрасенс, понял?! Ну, давай, Иван, не хворай!

- И ты бывай здоров, Федотка!

Вечер восьмой

- Дед, и когда ты всё успеваешь?! У тебя живность всякая – накормить надо, огород, воду из колодца тащишь, дрова колешь…

- И всё бесплатно! – добавляет Вика.

- Это безысходность? – спрашиваю я осторожно, боясь обидеть деда.

- Это привычка! - и не думает обижаться дед, - привычка – вторая натура! С детства привыкнешь – считай на всю жизнь…

Сказка седьмая

Сила привычки

– Здорово, Ивашка-ранняя пташка!

– Здорово, Федот-самоварный живот!

– Я сегодня, Иван, решил раньше тебя встать, и вот всё равно – пока глаза продрал, смотрю – ты уже десятину поля скосил! И когда ты только спишь?

- Кто рано встает, тому Бог даёт! - улыбается Иван.

- Я что, дурак что ли в такую рань вставать! – ворчит Федот, - ну вот скажи – кто тебя ни свет, ни заря с полатей-то поднимает?

- Да есть одна особа, - туманно отвечает Иван.

И пошёл косой мелькать, скошенная трава во след ровными рядками ложится: «жух-жух, жух-жух».

Не отстаёт от Ивана Федот, в грязь лицом не хочет ударить. Да только через часик не выдерживает, пыхтеть начинает, задыхаться.

- Ивашка! – кричит, - давай передохнём! Ты ж поди устал!

- Не, - улыбается Иван, - я только разошёлся.

Стиснул зубы Федот и дальше косой махать…

Солнце высоко. Пора перекусить. Федот достал узелок, там у него, как всегда, окорок, бутыль кваса, да десяток яиц. По работе и едок.

А у Ивана в узелке бутыль молока, да лепёшка.

- Не в коня корм! – шутит Федот, - кто ж тебе такой скромный узелочек-то сложил, Ивашка?

- Да есть одна особа, - темнит Иван.

- Ну-ну.

На сегодня сенокос закончен. Хотя день ещё в разгаре. Иван косу на плечо и с поля широченным шагом в село пошёл, как будто и не устал вовсе.

А у Федота к дереву конь привязан, он же не дурак! Зачем пешком идти, когда конь есть. Хотя у Ивашки конь тоже вроде есть, только он его дома оставил.

- Ивашка, ты чего это пешком всё время ходишь?! Кто тебе коня не даёт?

- Да есть одна особа, - улыбается Иван.

- Тьфу-ты! – злится Федот и пинает ногами жеребца. А тот бедный аж в коленях дрожит – тяжёл Федотка.

Пока Федот часик дома вздремнул, Иван до дому пришёл, дров наколол, скотину покормил, да присел сети плести – рыбкой семью тоже побаловать надо.

А Федот пошёл на речку – коня напоить, да самому искупнуться. Увидал на крыльце Ивана, кричит:

- Ивашка, айда на речку, поработал – пора и отдохнуть!

- Не, мне ещё корзину сплести, да двор подмести!

- А отдыхать когда, Ивашка? Это кто ж тебя так постоянно трудиться-то принуждает, а?!

- Да есть одна особа, - смеётся Иван.

Идёт Федот обратно, уставший, разомлевший. За околицей детвора в лапту играет. Крику-визгу – за три версты слышно, радостно всем, понятное дело – игра-то весёлая.

Смотрит Федот и глазам своим не верит: среди ребятни – Ивашка-драная рубашка! Чупрын мокрый, глаза блестят, носится как угорелый по поляне – никому из мальцов не догнать. И столько радости у Ивана на лице, что Федоту аж завидно стало. Подошёл, спрашивает:

- Ивашка-довольная мордашка, вот смотрю я на тебя и удивляюсь, скажи, отчего ты такой радостный всегда?

Иван макушку чешет.

- Не знаю, Федотка, радуюсь и всё.

- А ну как нечему радоваться?

- Не, радоваться – всегда чему-то можно! – не соглашается Иван.

- Это какая же сила тебя дурака постоянно радоваться заставляет? – злится Федот.

- Да есть одна особа, - радуется Иван.

Тут уж Федот не выдержал. Бросил в сердцах кепку о землю, топнул ногой.

- Давай, - кричит, - говори немедля, что это за особы такие особые, которые тобой правят, да верховодят. Неужто они силы такой неимоверной, что никак не поперечишь!

- Правда твоя, - соглашается Иван, - сильные они, и чем больше им отдаёшься, тем они сильнее становятся.

- Чудноо! – удивляется Федот, - как бы мне с этими сударынями-особами познакомиться?!

- Так есть они и у тебя, Федот! – веселится Иван.

- Да ну?!

- Только они у тебя другие, и сильные, и упёртые, но всё ж таки другие! Ты им сдался, вот они и верховодят тобой!

- Это ж кто ж такие? – чуть не плачет Федот.

- Да привычки это! – смеётся Иван.

Вот такие дела!

Вечер девятый

- Я уже и не обижаюсь на родителей! – заявляет Вика, - и не потому, что считаю себя виноватой, а потому что понимаю их.

- А я не обижаюсь, потому что мне тут нравится, - говорю я, - честно!

- А чего обижаться? Обида – последнее дело, - вмешивается дед, - и, между прочим, соколики, обида – это затея того, кто обижен, да!..

- Да ладно! – не соглашается Вика, - получается, что, если кто-то меня обидел ни за что ни про что, так это моя проблема?!

- Ежели обидел – проблема общая, а сама обида – она же в тебе? Значит, это твоя проблема.

Вика собирает складки лба над переносицей и сжимает губы. Это признак того, что она не согласна. Я быстренько вмешиваюсь:

- Может у тебя и на эту тему сказка есть?

- А то! Конечно, есть.

Сказка восьмая

Обида

Шла по селу Обида. Бедная, несчастная, всеми забитая. Ходит от двора ко двору, а её ото всюду гонят. Кто поругивает вслед, кто посмеивается, кто за дрын хватается. Никому-то она не нужна.

Вот изба Евдокии-солдатки: муж на войне буйну голову сложил, да семеро по лавкам, мал-мала-меньше. Уж она-то приютит Обиду. Есть за что.

- Здравствуй, Евдокеюшка! Пригласишь? Кому как не к тебе!

Посмотрела Евдокия-солдатка на горемыку скорбно, помолчала и говорит:

- Не нужна ты мне, поди прочь! Некогда мне возиться с тобой, вон забот сколько!

- Неужто не озлоблена ты? У тебя же счастья-то поди нет!

- Есть счастье, - улыбается Евдокия, - вон оно, по полатям сопит. Старшой уже – вылитый папка, за двоих и поле пашет и косою машет! Иди своей дорогой.

И пошла Обида дальше.

А вот дом Ивана. Хозяин на крыльце сидит, топор точит. Неужто зол на кого?! Вон, какое лицо угрюмое.

- Здравствуй, Иван! Я в гости к тебе! Пригласишь? Помогу чем смогу!

- В тесноте живут люди, а в обиде гибнут! – отвечает Иван, - зачем ты мне?

- Обидчиков-то вон сколько кругом, - пристаёт Обида, - всяк норовит в душу плюнуть.

- Не, - улыбается Иван, - судит Бог обидчика, а человек прощает. Ни к чему мне тяжесть лишняя. Иди своей дорогой.

И пошла Обида восвояси.

А тут и дом Федота на пригорочке. Хороший дом, с резными ставенками и петушком на крыше. Федот – мужик практичный, к шику привычный. Наверное, ему и обижаться-то на кого-то резона нет. Но всё равно, спросить надо, вдруг какая старая печаль-досада душу гложет…

- Здравствуй, Федот! Как живёшь-поживаешь, держишь ли ты меня в своём сердце?

Федот уставился на Обиду, молчал-молчал, потом вздохнул тяжко и давай причитать:

- Да полным-полно тебя и в сердце, и в печёнках, везде полно! Обижен я на всех и на каждого в отдельности! Хорошо хоть выговориться пора пришла! Обижен я на Мельника, к примеру, что мельница ему по наследству от деда досталась и что теперь он деньги лопатой гребёт. Обижен на Кузнеца, что его девки любят. Обижен я на Ивана, что весёлый и беззаботный, живёт и в ус не дует…

- Это не ко мне, - говорит Обида, - это к моей старшей сестре Зависти.

- А, понятно, - говорит Федот, - тогда обижен я на Батюшку, что ему исповедуюсь, а потом плохо мне бывает. Обижен на деда своего престарелого, что позорит меня – в лохмотьях по селу ходит. Обижен на детей своих, что злятся на меня, когда наказываю их…

- И это не ко мне, - говорит Обида, - это к моей младшей сестре Совести.

- А, понятно, - говорит Федот, - тогда обижен я на солнце красное, от него зной да сухость. Обижен я на дождик, от него сырость да слякоть. Обижен на ветер, что третьего дня яблоню мою поломал и кусты смородины. Обижен на рыбу в пруду, что костлява больно и на дичь болотную, что увёртлива. Обижен на лес дремучий, что непролазный и паутинный. Обижен на комара, что нудит по ночам в ухо и на пчёл, что жалят почём зря. Обижен на корову свою, что молока даёт мало и на овцу, что шерсть облезлая…

- Ах, как сладка мне речь твоя, - говорит Обида, - стало быть, ты на весь свет в обиде?

Нахмурил Федот свой лоб.

- Стало быть – так.

- А на себя, Федотушка, ты не в обиде?

- А за что мне обижаться-то на себя?! Вот ты скажешь тоже! Я же со своей головой дружу, уж как-нибудь я с ней договорюсь!

- Я вот тут, Федот, подумала и решила: а поживу-ка я у тебя, нам вместе хорошо будет! Вот только сестёр кликну, а то мне одной скучно будет.

- А кормиться ты чем будешь? У меня каждое зернышко на счету, лишние рты не прокормить.

- Не переживай, Федотушка, корми нас обидками горькими, завитками чёрными, да стыдобой постыдной – как-нибудь проживём!..

- Гляди, пока с тобой болтал – соседские гуси весь огород мой потоптали! – спохватился Федот, - ну теперь, Обида, я и на тебя обижен!

Вот как теперь жить-то после этого! А?

Вечер десятый

Если присмотреться, то в деревне тоже немало хорошего. Воздух такой, что аж голова кружится, особенно после мегаполиса, продукты свои – без химии всякой и люди здесь какие-то все добрые, непосредственные, как дети. Я с дедом этой мыслью поделился, а вечером гадал – какая же сказка может быть у него на эту тему?! Это же мои ощущения, мои эмоции…

А дед, как всегда, на уровне!

Сказка девятая

Сделка

Было да прошло и быльем поросло, вспоминать грех, только из песни слов не выкинешь…

Поехали как-то Иван да Федот в город, на базар. Дело обычное, для мужика привычное.

А как приехали, так и разошлись в разные стороны, у Федота одни думки – у Ивана другие: Иван в первую очередь младшенькой своей хотел свистульку расписную найти, а Федот – себе любимому – шапку соболью.

Идёт Ивашка-расписная рубашка по базару, на товар посматривает, приценивается, языком цокает, интересно ему всё.

Ходил-ходил – устал. Зашёл в тенёк, сел на пенёк, сидит – на торговый люд посматривает.

Вдруг подсаживается к Ивану старикашка какой-то. Тоже видно устал. Сморщенный весь, мрачноват, крючконос, бородой оброс. Сидит себе спокойно, клюкой по земле возюкает.

Ивану как-то жутковато стало, неуютно рядом. Хотел он только встать и отойти от греха подальше, как старикашка вдруг говорит:

- Покупаешь, чего, али продаёшь?

- Хожу-брожу-приценяваюсь, - отвечает Иван.

- А где ж твои деньги-то? – спрашивает старик.

- А вот они! - хлопает Иван себя по карману, - а почто интересуетесь?

- Нет у меня интереса, да только разве с такими деньгами – разве что путное купишь? Такому молодому, да здоровому, да собой пригожему мешок денег – в три пуда надо, чтоб по базару погулять!

- Скажешь тоже, в три пуда… - улыбается Иван, - это ж мне десять лет пахать надо, чтоб накопить столько.

- А зачем пахать?.. – старик обернулся к Ивану, - когда зараз получить можно.

Озадачился Ивашка.

- На убивство какое али другой грех – не пойду!

- Зачем сразу убивство?! – старик захихикал, - можно и по-человечески заработать.

- Это ж как?

- У вас товар – у нас купец! Есть у тебя, добрый молодец то, что продать можно да три пуда денег зараз получить.

У Ивана как-то нехорошо под лопаткой зачесалось.

- Говори, купец, о каком товаре речь ведёшь?

Старик посмотрел Ивану в глаза и махнул костлявой рукой.

- Да так, пустячок, оно тебе и ни к чему, ни щи сварить, ни в праздник дарить, словоблудие одно, баловство.

- А всё ж таки?

- Это, касатик, ощущения твои, чувства твои, да эмоции, и всего делов-то!

Крепко задумался Иван. А потом и говорит.

- Создателя мы не видим, но это ж не значит, что его нет! Не всё пощупать можно да в карман положить. Я не знаю, уважаемый, зачем тебе мои ощущения, мои чувства да мои эмоции, но я так думаю, что если оно есть во мне, то не зря. К чему мне, к примеру, мешок денег в три пуда, ежели я его не увижу, не почувствую, не порадуюсь. Получается, что человек без ощущений глух и слеп, без чувств сух и чёрств, а без эмоций совсем счастливым быть не сможет.

- Эхе-хе, дурачина ты, - покачал головой старик, - с мешком-то денег как несчастным можно быть?!

- Не, - упёрся Ванятка, - счастье оно в нас, а не в мешке!

Старик только клюкой постучал рассерженно и ничего не ответил. А когда Иван моргнул – его уж и не было, как будто привиделось всё.

«Надо же, чего только в мире не встретишь!» - подумал Иван и пошёл Федота искать, надо ж с ним поделиться оказией этой, рассказать да предостеречь.

Ходил-бродил битый час, подумал уж, что Федот без него домой отправился, как вдруг, глядь – вон он голубчик! Сидит на лавочке и смотрит куда-то. Как баран на новые ворота.

А как подошёл Иван ближе – увидел, что смотрит-то Федотка не куда-то, а совсем никуда. Глаза – как стекляшка, а лицо – простоквашка. Похолодело у Ивана внутри, аль беда какая с другом приключилось?! А как у ног Федоткиных мешок в три пуда увидал – так всё понял. Схватил Иван тот мешок и бросился в толпе старика-злодея искать…

Дома Федота зельем да снадобьями домочадцы три дня отпаивали – еле выходили-вылечили.

Спасибо Ивану, вовремя спас Федота. Федот хоть и идиот, но мужик добрый и весёлый, как без него-то.

Вечер одиннадцатый

Вика немного захандрила. Заскучала по городу, по подругам, по цивилизации. Даже всплакнула немного втихаря. Дед как-то не вовремя что-то сказал, пошутил, и сестра вспыхнула как петарда, нахамила ему и ушла на чердак.

- Норм, - сказал я деду, - отойдёт, это ж женщины, они такие! Прости её.

Дед с пониманием похихикал.

А Вика к вечеру спустилась с чердака, молча обняла деда и показала мне язык.

И мы уселись слушать новую сказку.

Сказка десятая

Догнать и простить

– Здорово, Федот!

– Здорово, Ивашка!

- Прости меня, Федот, не помни зла!

Федот аж споткнулся на ровном месте, напрягся весь, по сторонам осмотрелся, репу почесал.

- Вот же ты гад какой! Злодей! Я от тебя такого не ожидал!..

- Это ты про что, Федот?!

- А про то, про что и ты.

- Ничего не понимаю!

- Ну и дурак ты, Ваня! Ты ж у меня прощения просишь? Просишь, значит натворил чего-то! Вишь какой я екстрасенс, ёк-макарёк!

- Не, Федот, сегодня ты немножко не екстрасенс, сегодня праздник – Прощёное воскресенье. Сегодня принято просить прощения и самому прощать всех.

- Тьфу-ты! Ну ладно, прощаю. Хотя не понимаю – за что. Раз прощения просишь – значит, всё ж таки, чего-то натворил? А? Это ты с моего огорода тыкву укатил? Признавайся!

- Бог с тобой, Федот! Зачем мне твоя тыква! Я ж просто так, на всякий случай, вдруг ты на меня за что-то сердишься, а я и не знаю! Обида она ж в том, кто считает себя обиженным, а тот, кто обидел, может даже и не знает об этом!

- Не, ты бы узнал сразу, я бы сказал, я ж честный! – отвечает Федот, - тогда, раз такое дело, и ты прости меня, Ивашка!

- Прощаю! – весело сказал Иван.

- А ты ж даже не спрашиваешь – за что?!

- А какая разница!

- Ну, ты дурень! Ладно, пойду я, у меня делов много.

И потрусил Федот по деревне по делам своим.

А на самом-то деле побежал наш Федот прощения просить у всех, кого обидел, и прощать всем, кто его обидел. Ведь Прощёное воскресенье же, мало ли, вдруг непрощённого и не простившего в рай не пустят.

- Здорово, кузнец!

- Здорово, Федот!

- Кузнец, ты это… прости меня!

- Прощаю, Федот, и ты меня, прости, если можешь!

- А за что? Тыкву с моего огорода укатил?

- Аха-ха! – смеётся кузнец, - молодец, Федот, хохмач ты, можешь по-доброму шутить.

И пошёл кузнец своей дорогой. А Федот стоит и не знает – что там кузнец имел в виду. Ну, не обижаться же заново на него в прощёное-то воскресенье.

- Здорово, Федот!

- Здорово, пастух!

- Прошу прощения у тебя, Федот! – говорит пастух.

- За что? – насторожился Федот.

- Ну, мало ли, зла не держи, зло тело как лыко сушит!

И пошёл пастух своей дорогой.

Плюнул ему во след Федот и дальше побежал. Село-то большое, а Прощеное воскресенье не резиновое.

Вон мужики-плотники идут, надо и к ним подойти.

- Здорово, мужики!

- Здорово, Федот!

- Простите меня, мужики, если что, зла не держите!

- И ты Федот прости за всё!

Федоту опять не по себе. Он-то знает, за что прощения просит – на той неделе десяток гвоздей у плотников стащил, забор подправить. А вот они – чего такого сделали? Чем напакостили? И стоят же, смотрят на Федота и хитро улыбаются… Ну, точно тыква – их рук дело! Но прощать-то надо… эхе-хе…

- Бывайте, мужики!

А вот и мельник идёт на свою мельницу.

- Здорово, мельник!

- Здорово, Федот!

- Мельник, сегодня Прощёное воскресенье, ты меня прости Христа ради!

- Да не держу я зла на тебя! Да и ты меня прости, если что.

«Это за что ж он зла не держит? – нервничает Федот, - неужто видел, как я муки лишнюю осьмушку пересыпал?»

Идёт Федот дальше, навстречу Евдокия-солдатка со своей оравой.

- Здравствуй Федот!

- Доброго здоровьица, Евдокеюшка!

- Прости, нас, Федотушка, за всё, зла не держи!

- И ты прости, Евдокея!

Федот краснеет вдруг и говорит:

- Я намедни твоему мальцу подзатыльник дал, он озорник кур моих распугал. Так что прощения прошу.

- Ой, да он, наверное, и не заметил, он у меня бедовый, - говорит Евдокея-солдатка, - а мои-то третьего дня тыкву с твоего огорода укатили озорники. Я их поругала, но тыкву-то не вернуть, кашу сварили. Так что прости, Федот, если сможешь!

- Ой, да бог с ней с тыквой-то, - разлыбился Федот, - у меня этого добра навалом, лишь бы ребятишки были сыты-довольны, кушайте на здоровье!

- Спасибочки тебе, Федотушка! – поклонилась Евдокея.

- Да ладно, чего там, - покраснел Федот и пошёл дальше. А у самого почему-то от радости чуть сердце из груди не выскакивает. Оказывается, когда прощаешь – тоже хорошо, даже приятнее, когда тебя прощают.

Вот как бывает.

Вечер двенадцатый

- Весело с тобой, дед, - говорю я, наблюдая, как он подкладывает веточку крапивы в карман Викиного сарафана, - иногда кажется, что ты первоклассник!

- В каждом из нас живёт первоклассник, Дениска, главное – чтоб не на всю голову!

- То есть всего понемногу?

- Стало быть, так! У меня и сказка про это есть, да.

- Расскажешь?

- Легко!

- А ещё же не совсем вечер, дед.

- Так я могу и две рассказать, да на одну тему! Зови сестру!

Сказка одиннадцатая

Настоечка

У Федота завтра именины. Возраст Христа. Рад Федот – подарки будут! Давно уж он не приглашал гостей на именины, а тут что-то подумалось – надо! Его ж иногда приглашают, и ему не грех.

Сидит Федот со списком гостей, думает, кого позвать. Ой, как не просто выбор сделать!

«Ивана позову, он хоть и голодранец, но друг, как без него. Соседа позову, он мне поросёнка подарит, у него же вон сколько в этом году. Батюшку приглашу. Мельника и кузнеца позову – нужные люди, напою-накормлю, авось потом откликнется…»

Много по списку набралось гостей у Федота, ой, много. Аж левая ладонь зачесалась.

И вот с утра жинка Федота соленья-варенья на стол мечет, холодец, с вечера сваренный, по краям, а в центре гусь с яблоками.

Федот новую рубаху расписную надел, бороду побрил – ну красавец! Тут и гости подходят с подарками. Именинник подношения принимает, в пояс кланяется и за стол всех усаживает.

Иван тоже пришёл, скромно сел в уголочке, квасок попивает, да холодец нахваливает. А потом вдруг спохватился и говорит:

- Совсем забыл! Вот, дед Кузьма просил передать… - и достаёт три бутылочки в пергамент завёрнутые.

- Самогон? – спрашивает Федот. Он до такого зелья не особо охоч.

- Не, настоечка волшебная, дед Кузьма врать не будет.

- И чем же это она волшебная? – не верит Федот.

- А вот ежели её по чутку пить, она чудодейственную силу показать может, – так дед Кузьма сказал.

Федот лоб нахмурил, жутковато ему стало. А гости и говорят:

- А давайте вместе волшебную настоечку пробовать, чтоб не страшно было.

Взяли первую бутылочку и стали пробовать.

Федот первым пригубил. За ним и остальные.

Выпили. Стало как-то тихо, все переглядываться начали. А потом кузнец постучал ложкой по столу и говорит батюшке:

- А чивой-та у тебя за прыщик на носу смешной такой?

Батюшка за нос схватился руками, посмотрел на всех и заплакал. Все смеяться стали, а сосед Федота под стол залез и давай всех щекотать, чтоб ещё смешнее было. Что тут началось… Все скачут, кричат, на ложках дерутся. Только Иван не дерётся, он по полу ползает и кота догоняет, как догонит – сам убегает. Мельник на стол взобрался, сидит – соль с сахаром перемешивает и через сито сеет. Батюшка сидит, слёзы бородой размазывает. Федот тоже как дитё малое: всю еду к себе сгрёб, обхватил и кричит:

- Это моё! Уходите все, это мой дом!

Хорошо, что жена Федота наливочку не пробовала, она быстро смекнула, в чем дело: быстренько вторую склянку взяла, по чаркам налила и пошла всех угощать. Правда некоторых догонять пришлось и держать, чтоб не выскользнули. Выпили все. Переглянулись.

- Батюшка, покорнейше прошу простить, я не виноват, бес попутал, - сказал кузнец, - прыщик-то и вправду уродливый.

- Бог простит, - ответил батюшка, - да чтоб у тебя на одном месте такой прыщик выскочил!

- А вот, между прочим, под столом задохнуться можно, вы, когда в гости идёте – чуньки-то посвежее обувайте, - язвит сосед.

- А я давно хотел сказать, вы вот зерно привозите в старых мешках, а муку забрать норовите в новых мешочках, - нахмурился мельник, - жулики.

- Не, не жулики, жмоты они, - говорит кузнец, - работой завалят до посинения, а как платить – так скаредничают, мол, что там работы-то…

- Надоели вы мне, - бухтит Федот, - грош цена вашим подаркам, а уплетаете за троих! Гуся вон схрумкали, мокрого места не оставили!..

А Иван посмотрел на всех и говорит:

- Ой, да какие ж вы смешные, братцы – сил нет, как же я вас всех люблю да обожаю, - и полез целоваться.

Федотова жинка снова сообразила, что налить надо. Взяла молча третью настоечку и по чаркам плеснула.

Выпили. Переглянулись. Покраснели. Сидят молча жуют, всё, что на столе осталось, головы не поднимают. Только хруст да чавканье стоит. «Господи, стыдоба-то какая!» - думают все.

А Иван на пустые бутылочки из-под настоечки посмотрел и говорит:

- Братцы, а давайте споём! Что мы тут сидим как неродные!

И начал:

«Скакаааал казаааак через долинууу!..»

Вот такие именины получились!

И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!

Сказка двенадцатая

Настроение

Федот сегодня зол больше чем обычно. У Ивана сена меньше на покосе получилось, у Ивана урожай не такой большой, как у Федота, у Ивана корова молока в два раза меньше даёт

– а Иван всё равно радуется. От этого и злится Федот. Потому что не понятно ему. А когда Федот чего-то не понимает – он очень злится.

Вооон он идёт, лёгок на помине, глазки щурит, физиономия довольная, как будто только что персидский шах ему наследство оставил. Шаг широкий, Федот за ним еле поспевает.

- Здорово, Ивашка!

- Здорово, Федот!

- Чему радуешься, Ивашка?

- А настроение такое, Федот!

- Ну, дык у тебя ж всё время лыба с лица не сходит!.. Всё время настроение что ли?

- Да? Ну, а я как-то этого и не замечаю.

- Слушай, Ивашка, а может это у тебя черты лица такие, может, это просто у тебя рот так устроен, что до ушей? Ну-ка, скажи – «вьюююгааа».

- Метеееееель! – смеётся Иван.

Ну, как тут с ним сурьёзно говорить. Ещё больше злится Федот.

- А всё ж таки, Ивашка, раскрой мне секрет, я мож тоже хочу это… как ты… радоваться. Может у меня хоть тогда изжога пройдёт.

- А ты радуйся и всё!

- Так нету этого, как его, настроения. Что это за хреновина такая? Где его купить можно?

Иван остановился, репу почесал и говорит:

- Я так думаю, что оно либо есть, либо нету его.

- Ну, так если ж нету, надо же взять, или купить!

- Федот, а давай у деда Кузьмы спросим! Он пусть и в годах, но у него тоже всё время рот до ушей, хоть и без зубов.

- А пошли!..

Дед Кузьма на пригорочке с хворостинкой сидит, козу пасёт. Хотя чего её пасти, ей с дедом хорошо, она от него только вперёд копытами.

- Доброго здоровьица, дядь Кузьма!

- Здорово, дед!

- И вам не хворать, хлопцы! – отвечает дед Кузьма.

Иван тоже присел на пригорочек, Федот жилетку подстелил и плюхнулся рядом.

- Мы вот тут, дядька Кузьма, задачкой озадачились, - говорит Иван, - скажи, а что такое настроение? Почему оно у одних есть, а у других – кот наплакал? Можешь разумить нас?

- Аааа, даааа, хороший вопрос, Ванятка… Я его тоже, помню, своему деду задавал, лет шышдисят тому…

- А он?..

- А он говорит – хороший, говорит, вопрос, Кузьма, я его даже своему деду задавал…

- Шышдисят лет тому назад! – предположил Федот.

- Точно… - кивнул Дед Кузьма, и задремал.

- Нуууу?.. – нетерпеливо толкает его в бок Федот.

- Чаво ну? – просыпается дед Кузьма, - я и говорю…опосля бани в поле не идут, мать его… а он говорит…

- Мы про настроение? – перебивает деда Иван.

- Ааа, настроение, робяты, это… это когда нас трое… Во как! Нас-трое-ние!

- Кого вас? Кого трое? – хмурится Федот.

- В каждом человеке, робятки, должны жить-уживаться три поколения: дитё, родитель и взрослый, вот такая троица!..

- Хм, интересно… - удивляется Иван.

- Как это так? – удивляется Федот.

А дед Кузьма опять задремал.

- Коза, дядь Кузьма, у тебя хорошая, - кричит ему в ухо Иван.

- А? Чаво?

- Нас-трое-ние… - напоминает Иван.

- А, ну дык я и говорю, дитё… взрослый…….

- И родитель!

- Точно! Дитё, значит, робяты, это «хочуха», он всё время хочет и желает, он чадо божье, чистый лист, тут главное его не спугнуть и дать чего он хочет. Родитель – это тот, кто говорит «мне надо!», «это важно для меня!», он такая, робятки, сурьёзная личность. А вот взрослый – это тот, кто говорит «я могу!», «я способен!» - ентот ишшо сурьёзней, дааа, самостоятельныыый – дальше некуда. Во как. И ежели кого в ентом триединстве не хватает – всё, пиши пропало! Ежели не трое, то и нас-трое-ние откуда возмётся-то? Вот, к примеру, у Ванятки все дома, даром что дурак, вся троица в сговоре! Во как. А у тебя, Федотка, только двое в нутре твоём, рабёночка-то недолюбили, не дали чаво ему надо, он хоть и есть, а мало его. Вот поэтому ты и не можешь, Федотка радоваться как Ванятка, шибко сурьёзный ты, нету в тебе искры божьей. Зато родителя у тебя вдосталь, Федот, тебе дай всех поучить, да покритиковать. А вот взрослого у тебя совсем нет, откуда ему взяться, ежели ребенку дозреть не дали. Воооот. Такие дела, робяты.

Дед Кузьма глаза прикрыл, видно устал.

- Даааа… - чешет затылок Иван, - мудрёно, конечно, но вроде понятно, спасибо тебе, Кузьма Прокопьевич!

А Федот, как всегда, возмущается:

- Ничиво себеееее!..

«Бееееее» - дразнится коза.

Вечер тринадцатый

- Я скучаю по маме, - признается мне сестра.

- Надо же, - подкалываю ее я, - а я думал, что ты вспоминаешь о ней, когда бабосы нужны!

- Дурак ты, - беззлобно и печально отвечает Вика.

- Две недели прошло всего-то, у меня только-только загар хороший пошёл, как на Мальдивах…

- И по папе…

Я вздыхаю и зову деда. Пришла пора сказки.

Сказка тринадцатая

Путник

Шёл за околицей путник.

Путник как путник, мало ли их ходит по сёлам да весям. Кто погорелец, кто потопленец, кто просто бродяжничает.

Вот и этот, издали даже видать, что не местный, шибко уставший и прошёл не одну сотню вёрст. Возраст – не пойми какой, весь в пыли придорожной, да чёрен от загара.

А Иван да Федот, как назло, ему навстречу попались. Они на сенокос пошли. Идут, переговариваются.

- Здравствуйте, добры молодцы! – говорит путник.

- Здорово, коль не шутишь, - отвечает Федот.

- Доброго здоровьица! – улыбается Иван.

- А не найдётся ли у вас щепоть соли, робятки? Мне вот в соседнем селе лепёшку поднесли, да пару яиц, а без соли как-то не идёт.

А у наших молодцов по узелку с собой, как их жёнушки без обеда-то на сенокос отправят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.